

DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2021.1\(35\).246749](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2021.1(35).246749)

УДК: 7.01 169.522

Алексей Роджеро

**ФИЛОСОФИЯ И ПОЭЗИЯ: ЕДИНСТВО
И РАЗЛИЧИЕ ИЗМЕРЕНИЙ****(Маргиналии к статье Е. К. Соболевской
«Тоска – родина – рябина»)**

Поэтическое измерение философской речи – проблема, которая является центральной для этой работы. При различии цели и задач, стоящих перед философией и поэзией, общим является причастность слову как орудию и инструменту – познания (для философии) и выражения (для поэзии). Если философия использует слово в его смысловом составе, отвлекаясь от его внешней формы, для поэзии внешняя звуковая сторона неотделима от смысла и содержания. Однако эти типовые установки и позиции в некоторых случаях оказываются переставленными. В философии такими случаями можно считать работу с языком: в древности – Гераклита, в современности – Хайдеггера. В поэзии этим случаем можно считать творчество М. Цветаевой. В обращении к творчеству этого поэта с точки зрения центральной проблемы данной работы автор опирается на статью Е. К. Соболевской «Тоска – родина – рябина», публикуемую в настоящем издании.

Ключевые слова: философия, поэзия, логос, слово, смысл, преображение мира.

1. Философия и литература, философия и филология – темы давно известные. Если философия означает «любовь к мудрости», то филология должна пониматься подобным же образом – как «любовь к слову» (хотя обычно ее название поясняется как «наука о языке», по образцу с геологией, биологией и т. д.). Тогда получается такое разделение: философия имеет дело с мудростью (софией), а филология – со словом. Но очевидно и то, что филология также причастна и к «софии», как и философия причастна к «логосу». Когда, например, рассматривается генезис философской мысли в западной мыслительной традиции (у греков), то переход от религиозно-мифологического мышления к философскому трактуется как движение от мифа к логосу. (Не будем сейчас вдаваться в обсуждение того, насколько это правильно и как это следует понимать.) Во всяком случае, когда Гераклит начинает высказывать свою мысль, используя зачин «не мне, но логосу внимая...», он, безусловно, размещает логос и на философской территории тоже.

2. В статье Е. К. Соболевской «Тоска – родина – рябина» используется одновременно как филологический, так и философский подходы к анализу и интерпретации поэтического творчества Марины Цветаевой. (Читатель,

знакомый с работами Е. К. Соболевской, знает ее погруженность в творчество М. Цветаевой, а также в творчество поэтов, жизненно, духовно и творчески ей сопряженных – Б. Пастернака, Р.-М. Рильке и др.) Высказываемые в этих заметках общие положения о взаимоотношении философии и поэзии, а также их конкретизация, являются как результатом размышлений автора данной работы, так и определенной инспирацией статьи вышеуказанного автора.

Обозначая точки соприкосновения между философией и филологией, оправданно было бы немного сузить постановку проблемы: нас будет интересовать, в первую очередь, не столько отношения философии и филологии, сколько отношение между философией и поэзией, а еще точнее – поэтическое измерение философской речи.

3. Считается, что различие философской мысли и поэтической речи в качестве культурных феноменов определяется различием их сущностного бытия, но, на самом деле, здесь предполагается прежде всего различие стоящих перед ними целей и задач. Так, постулируется, что главное в философском мышлении – это познавательная установка, тогда как поэзия, равно как и искусство вообще, является выражением, осуществляющим эстетическое воздействие, подпадающее под эстетическую оценку. Однако жесткость этой дистинкции будет смягчена, если мы признаем, что и философской мысли также присуща эстетическая выразительность и что поэзия и искусство в целом тоже осуществляют познавательную работу.

4. Общеизвестно, например, что диалоги Платона – это не только явление философского ряда, но и явление литературного ряда тоже. Это же самое, видимо, можно сказать и о философской поэме Ницше «Так говорил Заратустра»; это все как бы очевидно. Менее очевидно, что и некоторые высказывания и мыслительные ходы и фигуры, которые мы встречаем, допустим, у Шеллинга или же у Витгенштейна, или же даже у Канта и Гегеля, не говоря уже о Кьеркегоре, также обладают эстетическим измерением. И наоборот – в греческих трагедиях, равно как и в шекспировских, в романах Сервантеса, Толстого, Достоевского, Пруста, в поэзии Данте, Гёте или Рильке, мы обнаруживаем глубочайшее постижение жизни, мира, человека...

Представляется, что все вышесказанное вполне оправдывает постановку проблемы, однако, при этом, сохраняется необходимость уточнения ее аспектов и ракурсов.

5. Здесь, думается, прежде всего следовало бы обозначить, что же не входит в намерения и цели автора этих заметок и чего не следует в них искать.

Так, нас не будет интересовать философское мировоззрение авторов поэтических произведений, выраженное в их поэтических текстах. Это вовсе

не означает, что бессмысленно исследовать, скажем, богословские и философские идеи «Божественной комедии» Данте или же философско-исторические взгляды Гёте, воплощенные в его «Фаусте», или аналогичные воззрения Толстого в «Войне и мире». (Мы уже не говорим об оценке с этой точки зрения поэзии У. Блейка или С. Т. Кольриджа и, тем более, о творчестве поэта-философа Новалиса).

Но вот установление связи между мировоззрением, к примеру, Достоевского и какими-то определенными более поздними философскими направлениями, скажем, экзистенциализмом, либо же попытка реконструировать «философию» Пушкина по отдельным его поэтическим строкам или письмам представляется занятием менее продуктивным – даже если какому-нибудь удачливому исследователю удастся найти такие соответствующие сентенции и фразы, которые могут позволить рассматривать этого литературного гения как, скажем, «предтечу» феноменологии. (Вообще, при желании, у Пушкина можно найти любые философские «измы»).

За пределами нашего внимания остаются и заявления типа тех, что делал в 30-ые годы XX века Р. Карнап по поводу философских текстов Хайдеггера, квалифицируя их, скорее, как поэзию, нежели как настоящую философию. Ближе к нашему пониманию поэтического измерения философской мысли можно считать опыты и стремление позднего Хайдеггера искать в поэтическом мышлении таких авторов, как Ф. Гёльдерлин, С. Георге, П. Целан и др., образец того, как должна мыслить философия. Однако это предполагает выполнение значительной работы, для которой у нас сейчас нет возможности.

6. При сопоставлении философии и поэзии мы сконцентрируем наше внимание на рассмотрении взаимоотношения между мышлением и мыслью, с одной стороны, и словом и языком, с другой. Для этого следовало бы хотя бы коротко обозначить существо философской деятельности, которая в некоторых существенных моментах может оказаться аналогичной существу поэтической установки и поэтической работы.

Перед мыслителем и поэтом простирается действительность жизни. Такая действительность, как это обычно понимается окружающими, как это представлено в восприятии и сознании определенной традиции, эпохи, народа, культуры и др. – то есть это определенный «жизненный мир». Для существования в этом мире и ориентации в нем используются определенные образы, концепты, стандарты описания, модели интерпретации и т. д., которые естественны и привычны для данного времени и данного места. Но поэт рассматривает эту действительность каким-то другим, часто менее привычным взглядом, и он выражается в слове. И на этом пересечении

взгляда-скопоса (от др.-гр. σκοπεω – «смотрю, наблюдаю») и слова-логоса рождается новое, уже собственно поэтическое видение действительности. Когда наш глаз «замыливается», наше видение действительности тускнеет, тогда его нужно прояснить, «промыть». (В. Шкловский так и говорил: «Искусство промывает глаза человечеству»). В этом смысле поэтическая работа предполагает своеобразный «отлет» от действительности. На самом деле, это приближение к действительности, к истинной реальности – но как бы путем отхода от нее (как выражался один непопулярный сегодня политический деятель, «надо дальше отойти, чтобы вернее попасть»).

В этой своей работе мысль поэта использует язык, опирается на слово, которое всегда имеет определенное значение и смысл. (В действительности же слово соединяет в себе множество значений и смыслов или, как говорил Осип Мандельштам, «слово – это пучок смыслов»). Когда мы говорим о понятии логоса, которое широко использовалось в древнегреческом философском мышлении, а затем перешло в религиозное мышление христианства, то мы принимаем его двусоставность. Слово (логос) – это речь, то есть оболочка, выражающая и несущая определенный смысл (λόγος – «слово, речение»; λόγοι – «слова, речения»). Но это еще и смысл этих слов, то, что раскрывается в речениях. И когда Гераклит говорит «не мне, но логосу внимая...» (следует считать то-то и то-то истинным), он, в первую очередь, и имеет в виду то, что выявляется в слове как некий смысл самих вещей, как некое обстояние дел. Но в то же самое время это не мешает ему учитывать и использовать внешнюю, чисто словесную, а не смысловую сторону логоса, видя здесь напластование разнообразия значений. (Например, когда он говорит: «Луку имя – “жизнь”, а дело – смерть» [Гераклит 1989: 208–209], он обыгрывает значение слов, одинаковых по написанию и звучанию, но отличающихся разным ударением: βίος / bios – «жизнь», βίος / bios – «лук, стрелковое оружие».) Эта игра на сопряжении различных значений ведется философом Гераклитом фактически так же само, как поэт Цветаева призывает действовать собратьев по цеху: «Бойтесь понятий, облакающих в слова. Радуйтесь словам, обнажающим понятия» [Цветаева 1997: 543]. – Вспоминается один разговор, состоявшийся между поэтом-символистом С. Малларме и художником Э. Дега. Последний, прочитав чьи-то стихи, пожаловался поэту: «Вы знаете, у меня у самого есть много идей, но вот стихи у меня почему-то не получаются!». На что тот ответил: «Друг мой, стихи пишутся словами, а не идеями». Малларме, несомненно, был прав, но, мне кажется, Цветаева говорит точнее: поэт использует слова, но слова должны обнажать понятия.

7. В публикуемой в этом сборнике статье Е. К. Соболевской можно найти немало интересных наблюдений и замечаний, касающихся

отношения М. Цветаевой к языку (слову) как к средству, инструменту поэтической мысли и поэтической речи. Не так часто можно встретить у поэтов такую, как у Цветаевой, способность до предела использовать возможности языка, выявлять многомерность логоса-слова, учитывать все его разнообразные аспекты – фонетический, лексический, грамматический, синтаксический (вплоть до знака препинания, вплоть до точки), – чтобы с помощью логоса-слова раскрыть логос-смысл, и наоборот. С этим же связан, думается, и особый интеллектуализм цветаевской поэзии (впрочем, и прозы тоже), отличающийся от обычной рассудочности и формальной рациональности; может быть, этот интеллектуализм следовало бы обозначить как-то иначе, скажем, как «логийность» (и логичность) ее поэтической речи, рождающей поэтическую мысль и самой являющейся ее порождением. Отсюда, быть может, и проистекает такое известное утверждение поэта: «Поэт издалека заводит речь, поэта далеко заводит речь!»

Кроме того, нельзя не признать за М. Цветаевой и необычайно развитую способность к поэтической рефлексии («поэтической» – не в смысле «относящейся к поэзии», а в смысле «относящейся к поэтике», т. е. поэтологической). На материале одного цветаевского стихотворения, написанного уже в эмиграции, Е. Соболевская, сочетая, как уже говорилось, метод филологического анализа и метод философской интерпретации, демонстрирует предельность цветаевского отношения к формам земного бытия – дому, стране, родине, и, главное, что для нас сейчас важно, языку, – такую предельность, в которую вторгается, врывается, пытается вместиться присущая всей ее личности, ее мысли, ее чувствам, всей ее природе (сверх-природе) – беспредельность¹. (Это и «Не обольщусь и языком / Родным, его призывом млечным. / Мне безразлично – на каком / Не понимаемой быть встречным!», и «Мне совершенно все равно – / Где совершенно одинокой / Быть», и «... Поэзия – уже перевод, с родного языка на чужой» или же, например, утверждение, что самый родной язык – это ангельский или всеязычный язык того света). Так поэт использует слова, но эти слова должны обнажать понятия.

8. Что же мы имеем в области философии? Как уже говорилось ранее, философская мысль совершает отлет от действительности, но этот отлет, на самом деле, для философа является также и приближением к действительности. И, тем не менее, не здесь завершается работа философии. Хорошо известна платоновская притча (миф о пещере). Главная интенция этого иносказания – расширение границ мира, выход к высшему и настоящему бытию. Это обычно подчеркивается всеми истолкователями и комментаторами. Но есть здесь и другое, обратное движение – возвращение, возвращение из подлинного и истинного мира в мир неподлинный, неистинный, иллюзорный. Для чего? Для его преобразования: возвращающееся движение фи-

лософской мысли есть продолжение философской работы, которая имеет своей целью преобразование мира. Цель философии – не просто познание мира и даже не просто просвещение, внедрение в умы плодов познания, это преобразование той действительности, от которой был начат отход («отлет»). Без этого возвращения-преобразования философия обрекла бы нас на двоимирие либо же на какое-то двойное зрение. Есть мир чувственных вещей, мир мнения, доксы, и есть другой, высший мир, мир идей, мир эпистемы и истины. Против такого двоимирия, кстати говоря, постоянно возражал Ницше. Он полагал, что тот мир, который открывается философией (усилиями Сократа, Платона, Канта и других) – это иллюзия, и она должна быть устранена, и поэтому такой мир должен быть подвергнут полной деструкции.

Для философии мир в своем существовании остается прежним, но он меняется в своем смысле. Мир не меняется в своем составе, но осуществляется в своем смысловом преобразении – и это становится задачей и целью философии. Что является здесь инструментом философской работы? Философия в своей работе задействует две фундаментальные способности, способности к двум формам действия: способность к созерцанию не только в смысле «умного» созерцания, но и в смысле непосредственной живой интуиции действительности, – это с одной стороны. С другой же стороны, это использование языка и слова. Для философии слово инструментально, оно орудийно и призвано выразить то, что уже найдено мыслью, уже живет в ней. С этой точки зрения, мысль оказывается первичной, а слово (язык) – вторичным. Однако в философской работе мы имеем и случаи иного рода, когда именно благодаря слову философская мысль идет дальше тех порогов, к которым она приблизилась, не опираясь на логос-слово и пренебрегая внешней его формой, внешней выразительностью логоса-смысла. Когда Хайдеггер, к примеру, вникает в смысл греческого слова «алетейя» (истина), может быть, он постфактум оправдывает тот мыслительный ход, который делает в отношении различения греческого «αληθεια / aletheia» и латинского «veritas». Но подчас, углубляясь в выявление различных лектонов и этимонов, Хайдеггер, собственно говоря, и совершает работу, которая впервые только и оказывается достоянием мысли. Перефразируя Цветаеву, можно сказать, что не только поэт ведет речь, но и философ тоже в своей работе движется благодаря энергии речи, которая может повести (и завести) мысль дальше тех рубежей и тех порогов, к которым она бы пришла сама по себе, без опоры на слово, на логос в его изначальном значении.

Примечания

¹ Как пишет Е. К. Соболевская, фундаментальная (личностная, поэтическая,

мировоззренческая) настроенность поэта по отношению к миру – «через слово, через пространство поэтическое повсюду вживаться, становиться, повсюду быть всем, находиться при сути вещей» [Соболевская 2021: 223].

Список использованной литературы

- Гераклит (1989) *Фрагмент 39 (48 DK)*, в: *Фрагменты ранних греческих философов*. Ч. 1. / подгот. изд. А. В. Лебедев, Москва: Наука, сс. 208–209.
- Соболевская, Е. К. (2021) *Тоска – родина – рябина... (Опыт интерпретации стихотворения М. Цветаевой «Тоска по родине...»)*, Дб́жа / Докса. *Збірник наукових праць з філософії та філології*. Вип. 1 (35). *Філософія та література - 1*. Одеса: Акваторія, сс. 217–229
- Цветаева, М. И. (1997) *Неизданное. Сводные тетради* / подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной, И. Д. Шевеленко, Москва: Эллис Лак, 637 с.

Олексій Роджеро

ФІЛОСОФІЯ ТА ПОЕЗІЯ: ЄДНІСТЬ І ВІДМІННІСТЬ ВИМІРІВ

(Маргіналії до статті О. К. Соболевської

«Тоска – родина – рябина»)

Поетичний вимір філософської мови – проблема, яка є центральною для цієї роботи. Під час розрізнення мети та задач, які є перед філософією та поезією, загальним є причетність слову як знаряддя та інструменту – пізнання (для філософії) та вираження (для поезії). Якщо філософія використовує слово в його змістовому складі, абстрагуючись від його зовнішньої форми, для поезії зовнішній звуковий бік є невід’ємним від смислу та змісту. Однак ці типові установки та позиції в деяких випадках виявляються переставленими. В філософії такими випадками можна вважати роботу з мовою: у старовину – Геракліта, у сучасності – Гайдеггера. У поезії цим випадком можна вважати творчість М. Цветаєвої. У зверненні до творчості цього поета з огляду на центральну проблему даної роботи автор спирається на статтю О. К. Соболевської «Журба – вітчизна – горобина», яка публікується у цьому виданні.

Ключові слова: філософія, поезія, логос, слово, смисл, переродження світу.

Aleksey Rodgero

PHILOSOPHY AND POETRY:

THE UNITY AND DIFFERENCE OF DIMENSIONS

(Marginalia to E.K. Sobolevskaja's article

“Yearning – homeland – rowan...”)

The poetic dimension of philosophical thought is the central problem of this

paper. Poetry and philosophy have different tasks, but both poetry and philosophy are concerned with the word as an instrument – knowledge (for philosophy) and expression (for poetry). Philosophy uses the word in its semantic constituents, abstracting from its external form. For poetry, the external sound side is inseparable from meaning and its various semantic aspects. In some cases, however, these typological attitudes and tenets are reversed. In philosophy, such cases can be considered as the work with language in its poetic dimension. Heraclitus worked in this way in antiquity, Heidegger works with language and with the word similarly in modern times. In poetry, we can consider the work of M. Tsvetaeva as such a case. Poeticizing, as represented by Tsvetaeva, is a cardinal linguistic shift, determined by the inner experience: distancing from any national language, or cardinal defamiliarization of the language in the constitutive centres of its conventional symbolic coordination, recognizing it every time and, accordingly, recognizing, renaming, defamiliarizing of the world. More than anybody else poets are immersed in the world, in search of the names, in giving meanings to things.

When considering the poet's work from the perspective of poetic dimensions of philosophical thought, the author relies on an article by Elena Sobolevskaya “Yearning – homeland – rowan...”, which uses both philological and philosophical approaches to the analysis and interpretation of Marina Tsvetaeva's poetic work.

Keywords: philosophy, poetry, logos, word, sense, transfiguration of the world.

References

- Geraklit (1989) *Fragment 39 (48 DK)*, v: *Fragmenty rannih grecheskih filosofov*, Ch. 1. / podgot. izd. A. V. Lebedev, Moskva, Nauka, pp. 208–209.
- Sobolevskaj, E. K. (2021) *Toska – rodina – riabina... (Opyt interpretatsiyi stikhotvoreniya M. Tsvetaevoj «Toska po rodine...»)* [Yearning – homeland – rowan... (Attempt of interpretation M. Tsvetaeva's poem “Homesickness...”)], v: Дб́жа / Doxa. *Zbirnyk naukovykh pratz z filofosiyi ta filologiyi*. Vyp. 1 (35). *Filosofiya i literatura - 1*. Odessa: Aquatoria, pp. 217–219.
- Tsvetaeva, M. I. (1997) *Neizdannoe. Svodnye tetradi* [Unpublished. Combined notebooks], Moskva, Jellis Lak, 640 p.

Стаття надійшла до редакції 3.06.2021

Стаття прийнята 21.06.2021